

МИР ПЕРЕМЕН

В НОМЕРЕ:

- К 40-летию Пражской весны
- **В. Григоля.** Экономика Грузии до пятидневной войны
- **В. Конобеев.** Битва за Римленд: новые смыслы геополитики
- **В. Головенько.** Гражданское общество на Украине: опыт социологического анализа
- **И. Иванов.** Россия на экономическом пространстве СНГ
- **Л. Чаба.** Социальные перемены в ЦВЕ: общие тренды и национальные модели

CONTENTS

To the Readers 5

At Sources of Transformations

V. Musatov. Czechoslovakia-68: Formation of a Position of the USSR
and Its Allies 11

M. Pitsk, O. Turek. Essence and Value of an Economic Reform
of 60th Years..... 21

I. Orlik. Defeat of the Prague Spring: the International Aspect 30

Economy

M. Golovnin. Financial Crises of Last Decade 46

V. Grigolaja. Georgia Economy Before Five-day War..... 59

Politics

Ju. Godin. Russia and the CIS: Eight Years of «Strategic Partnership» 72

V. Konobeev. Fight for Rimland: New Senses of Geopolitics..... 82

Civil Society

V. Golovenko. Civil Society in Ukraine: Experience of the Sociological
Analysis 99

Regional Blocs

I. Ivanov. Russia on Economic Space of the CIS 114

L. Fokina. Preferential Modes in Trade of Moldova and EU 129

The Country in the Modern World

Ju. Knyazev. Slovenia as Regional Leader 140

Social Sphere

L. Chaba. Social Changes in Central and East Europe: the General Trends
and National Models 153

Culture

T. Sblendak. Consumer Culture as Culture of Clearing: Experience
of Poland 168

At a Book Shelf

A. Barkovsky. Scientific Feat of the Researcher 179

V. Borishpolets. Geopolitics of the Central Asia 182

Academic Life

T. Kochegarova. Scientists Restore Contacts 186

International Board. 190

Summary 191

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МИР

ПЕРЕМЕН

Главный редактор

Р. С. Гринберг

Международный совет:

О. Т. Богомолов (Россия), В. М. Гец (Украина), М. С. Горбачев (Россия),
Дж. К. Гэлбрейт (США), М. Земан (Чехия), И. Илиеску (Румыния),
М. Д. Интрилигейтор (США), Гж. В. Колодко (Польша),
А. Е. Лебедев (Россия), А. Михник (Польша), А. Д. Некипелов (Россия),
П. Г. Никитенко (Белоруссия), К. Прунскиене (Литва),
Р. Скидельский (Великобритания), Д. Хорн (Венгрия),
Я. Чарногурский (Словакия), Л. Шарингер (Австрия),
Н. П. Шмелев (Россия), Г. Эрлер (ФРГ)

Учредители:

Институт экономики
Российской академии наук

Национальный инвестиционный совет
НП «Редакция журнала «Мир перемен»

3/2008

Международный научно-общественный журнал

№ 3/2008

Журнал зарегистрирован Министерством
по делам телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
ПИ № 77-15089 от 14 апреля 2003 г.

Редколлегия:

А. В. Алексеев (шеф-редактор), Н. И. Бухарин, Л. Б. Вардомский,
С. П. Глинкина, А. И. Дейкин (зам. главного редактора), Н. В. Куликова,
Е. К. Мазурова, И. И. Орлик, Б. Н. Порфирьев, А. П. Потемкин,
С. Н. Сильвестров, Б. Е. Фрумкин, Т. В. Цыгичко (отв. секретарь),
Е. В. Цымбал, Т. В. Чубарова, Л. Ф. Шевцова, Б. А. Шмелев

Группа обеспечения издания:

Е. В. Князева, В. Ф. Лопухова, Е. В. Челлини, К. Г. Челлини,
Д. Н. Филаткин (верстка)

Журнал выходит ежеквартально

Сдано в печать 05.09.2008. Подписано в печать 12.09.2008
Формат 70×100/16. Объем 12 п. л. Тираж 1500 экз.
Печать офсетная. Заказ № 173

Адрес редакции: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 42а
Тел./факс: +7 (499) 128-77-38; e-mail: alexeev@transecon.ru; www.imeri-eurasia.ru
При перепечатке и цитировании ссылка на журнал «Мир перемен» обязательна

Отпечатано на Государственном предприятии
Калужской области «Облиздат»
248680, Россия, Калуга, пл. Старый торг, 5

© НП «Редакция журнала «Мир перемен», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю.....	5
У истоков перемен	
<i>В. Мусатов.</i> Чехословакия-68: формирование позиции СССР и его союзников.....	11
<i>М. Пицк, О. Турек.</i> В чем заключалась и какое значение имела экономическая реформа 60-х годов?.....	21
<i>И. Орлик.</i> Поражение Пражской весны: международный аспект.....	30
Экономика	
<i>М. Головин.</i> Финансовые кризисы последнего десятилетия.....	46
<i>В. Григолая.</i> Экономика Грузии до пятидневной войны.....	59
Политика	
<i>Ю. Годин.</i> Россия и СНГ: восемь лет «стратегического партнерства».....	72
<i>В. Конобеев.</i> Битва за Римленд: новые смыслы геополитики.....	82
Становление гражданского общества	
<i>В. Головенько.</i> Гражданское общество на Украине: опыт социологического анализа.....	99
Региональные сообщества	
<i>И. Иванов.</i> Россия на экономическом пространстве СНГ.....	114
<i>Л. Фокина.</i> Преференциальные режимы в торговле Молдовы с ЕС.....	129
Страна в современном мире	
<i>Ю. Князев.</i> Словения как региональный лидер.....	140
Социальная сфера	
<i>Л. Чаба.</i> Социальные переменны в ЦВЕ: общие тренды и национальные модели.....	153
Культура	
<i>Т. Шлендак.</i> Потребительская культура как культура освобождения: опыт Польши.....	168
У книжной полки	
<i>А. Барковский.</i> Научный подвиг исследователя.....	179
<i>К. Боршиполец.</i> Геополитика Центральной Азии.....	182
Научная жизнь	
<i>Т. Кочегарова.</i> Ученые восстанавливают контакты.....	186
<i>Международный совет</i>	190
<i>Summary</i>	191

Л. Чаба

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ЦВЕ:
ОБЩИЕ ТРЕНДЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

В какой мере политэкономические факторы определяют социальные перемены в странах ЦВЕ, а также расхождение в общественном мнении по поводу принятия демократии и рынка, обусловленные ростом неравенства? Какова цена социальной эксклюзии, бедности и последствия поворота к популизму в европейской политике. В научной литературе неоднократно указывалось, что социально-экономические изменения в посткоммунистических странах, которых на данный момент насчитывается около 30, следовали различным моделям. Более того, трансформации с 1989 г. определялись такими чертами, как многообразие моделей социальной организации, обеспечения факторов производства, политики, институтов, особенностей взаимодействия с ЕС (либо его отсутствия), притоком прямых иностранных инвестиций, а также социальным опытом.

Конечные точки развития переходных экономик

Посткоммунистические страны можно разделить на две основные и по две дополнительные подгруппы в каждой из них.

Первая основная группа – это страны «новой Европы», которые, в общем и целом, справились с классическими задачами стабилизации, либерализации, формирования институтов и приватизации. Хотя ряд значительных реформ системы социального обеспечения – пенсионной, сельского

Ласло Чаба – доктор экономических наук, член-корреспондент Венгерской академии наук, профессор Будапештского Университета Корвинус и Центрально-европейского университета (г. Будапешт).

Данная статья основана на материале, представленном на международной конференции Фонда Ханса-Боклера (Hans-Bockler-Stiftung) на тему «Государства всеобщего благосостояния в Центральной и Восточной Европе», состоявшейся 4–6 октября 2006 г. в г. Хаттингене (Германия). Автор выражает благодарность Д. Джиорффи, З. Кудрне, У. Кламмери и А. Барте за ценные комментарии предшествующих вариантов статьи.

хозяйства, охраны окружающей среды, реорганизации инфраструктуры и социального обслуживания – за последние несколько лет притормозился, в странах заложены серьезные основы открытой экономики и открытого общества. Членство этих стран в ЕС с 2004 г. делает их приверженными избранному курсу на «мягкое право» и процессы европеизации – взаимодействие местных институтов с политикой структур ЕС.

Вторая основная группа включает Новые Независимые Государства (ННГ) и страны Юго-Восточной Европы, не вступившие в ЕС в 2004 г. В этой группе создание условий устойчивого развития затрудняется ростом, основанным на изобилии природных ресурсов. Здесь не сформированы надежные основы открытого общества. Авторитарные методы контроля и/либо криминализации социально-экономических структур, несмотря на сходный с европейскими странами тип институтов, стали очевидным фактом повседневной жизни. От первой группы стран вторую отличает структура занятости населения в экономике: все еще большая часть населения (до 25%) занята в сельском хозяйстве, что отражает ограниченный и даже регрессивный характер модернизации и стратегий выживания в 90-е годы.

В условиях, когда несколько миллионов человек возвращаются к сельскому хозяйству для обеспечения пропитания, трудно говорить о создании общества, основанного на знаниях, непрерывном образовании, распространении IT революции и преодолении водораздела между аналоговой и цифровой системами передачи данных.

Напротив, при возрождении традиционной модели сельского хозяйства, ряд услуг и товаров, которые ранее приобретались со стороны, стали производиться в приусадебных хозяйствах, население перешло на самостоятельное ведение строительных работ. Опыт Ирландии и Греции в 80-е годы и Португалии в 90-е показал, что вступление в ЕС неспособно изменить данную модель, а неоднократно отмечавшаяся «усталость от реформ» стран ядра ЕС, может предостеречь от чрезмерного акцентирования потенциального влияния членства ЕС на внутреннюю эволюцию государства-члена (будь то старого или нового) в долгосрочной перспективе.

Среди стран «новой Европы» первую подгруппу образуют *страны Вышеградской четверки*. Структурная и институциональная модернизация привела к взаимному усилению экономической и социальной сферы. В экономике продолжалась модернизация экспортных моделей, которая даже превзошла уровень южных стран – членов ЕС, осуществлялся и переход к постиндустриализации под углом зрения и создания, и стоимости новых рабочих мест. Доля сельского хозяйства – как в экспорте, так и ВВП, – постоянно сокращалась. Доля сельского хозяйства и рыболовных промыслов, по данным Европейского центрального банка (ЕЦБ), составила 2,9% в Чешской Республике и 4,9% – в Польше, что сопоставимо с показателями Ирландии и Греции (2,5 и 5,2%). Также постоянно сокращалась доля фермерского сектора.

Во второй подгруппе, в *странах Балтии*, в отличие от первой – относительно недавно (в 2005 г.), даже по самым оптимистическим расчетам, достигнут предкризисный уровень объема производства. Анализ структуры экспорта показывает, что в конце 90-х годов эти страны ориентировались на экспорт российских энергоносителей, древесины, текстильной и прочей низкоквалифицированной продукции. Уровень занятости в 2001–2005 гг. повышался очень незначительно. Низкий уровень безработицы – 4,9% в Эстонии, 5,4% в Литве и 7,6% в Латвии – однако не отражает положения русскоязычного населения, лишенного гражданства, и возможностей представления им своих интересов в политическом процессе. Смягчение социальной напряженности обеспечивается значительной миграцией (до 5% местного населения). Неспособность Эстонии и Литвы вступить в зону евро, как планировалось, в конце весны 2006 г., а также колебания Латвии, четко указывают на то, что в прессе и общественном мнении преждевременно высказывались о «Балтийском чуде»¹.

В *подгруппе ННГ* второй основной группы по окончании периода образования государств и дезинтеграции после коллапса Советского Союза (1991 г.) сформировался новый тип роста. Эта модель основывается на использовании непредвиденной прибыли, получаемой правительствами стран за счет расточительного использования природных ресурсов и глобального повышения цен на них в силу неподконтрольных им факторов. Правительства таких стран получают преимущества от притока нефтедолларов, что может повлечь за собой двойные последствия. С одной стороны, это цементирует сложившиеся структуры и позволяет откладывать в долгий ящик институциональные, политические, социальные и экономические реформы, которые могли бы оказаться необходимыми при других обстоятельствах. Так происходит в России и странах Центральной Азии.

С другой стороны, борьба за ресурсы приводит к эскалации гражданской войны. При этом ресурсы превращаются из активов в проклятие для населения, так как борьба за контроль над ними приводит к дезинтеграции государства. По данной модели развиваются Сомали, Судан, Ангола, Берег Слоновой Кости, Сьерра-Леоне, а также Ирак, потенциально она возможна в Киргизии и других странах. В этой подгруппе темпы роста высоки и устойчивы, а рост цен на энергоносители можно считать гарантированным в течение длительного периода в силу геологических причин, что приводит к росту поставок нефти.

Вторая подгруппа представлена странами Юго-Восточной Европы. Длительное влияние на регион оказывали продолжавшийся более десяти-

¹ Аналогичные скептические оценки, основанные на слабостях экспортных моделей см.: Greskovits B. Beyond Transition: The Variety of Post-Socialist Development // From Liberal Values to Democratic Transition. Budapest – New York / Ed. Dworkin R. CEU Press. 2004. P. 201–206.

етия распад Югославии (не завершившийся на момент написания данной статьи), непроясненность международного статуса Косово и зависимость от иностранной помощи квази-государственного образования Боснии и Герцеговины.

90-е годы прошли в борьбе различных кланов/группировок элиты, которые создали атмосферу недостаточного доверия и постоянных раздоров. Некоммунистические кланы оказались подвержены коррупции, созданию клиентелл и сращиванию с неформальными группами мафиозного типа. Хотя прямые доказательства, принятые в аналитической социальной науке, получить очень трудно, можно предполагать, что такие экстремальные проявления, как убийство сербского премьера З. Джинджича в 2003 г. и обвинения в прессе в 2006 г. в криминальной деятельности президента Румынии Т. Басеску и правящей партии, – только вершина айсберга. С уверенностью можно утверждать лишь то, что условия для создания надежного государства – ключевого компонента успешного развития, – в данный момент не сложились².

Исходя из этого, можно сделать вывод, что условия для долгосрочных сбережений в национальной валюте, финансового посредничества, а также стабильно высокого уровня инвестиций, необходимого для длительного экономического роста, в этих странах пока не созданы. Как указывается в аналитическом исследовании Мирового банка³, ни одно из трех базовых условий (сбережения, финансовое посредничество, инвестиции) за последние 15 лет реализовано не было, следовательно, и условия устойчивого роста, которые могли бы служить главной задачей региона, – увеличению занятости.

Если так обстоят дела во всех странах региона, очевидные различия между ними едва ли могут быть *фундаментально изменены только в силу приема в Евросоюз*. Это сопряжено с несколькими ключевыми факторами. Во-первых, ЕС переживает глубокий кризис, который выражается в недостаточном выполнении законодательства в 2003–2006 гг. Во-вторых, как отмечалось, внутренние модели властных и экономических институтов Юго-Восточной Европе следовали *совершенно другому сценарию, в отличие от стран переходной экономики*, а именно новых членов, принятых в 2004 г. По этой причине, даже, если предшествующий пункт не применяется, следовало бы ожидать *дефицита реализации* соответствующего соглашения.

Это тем более актуально, что отбор, связанный с соответствием Своду правил ЕС и принятием законодательства ЕС в странах, присоединяющихся в 2007 г. и позднее, был достаточно формальным и происходил без

² Kornai R.-A. Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition. New York: Palgrave Macmillan. 2004.

³ Broadman H. et al. Building Market Institutions in Southeast Europe. Comparative Prospects for Investment and Private Sector Development / The World Bank. Washington D. C. 2005.

энтузиазма. Данное обстоятельство обнародовано на нескольких сессиях Европарламента и в регулярных отчетах Еврокомиссии. Когда дата присоединения была зафиксирована на 2007 г., что, по сути, предполагалось в Копенгагенском компромиссе 2002 г., дискуссии о расширении оказались неэффективными. Они лишили Евросоюз козырной карты, которую он смог бы искусно отыграть в ходе переговоров о расширении с центрально-европейскими странами, будучи глубоко вовлеченным в процесс внутренней институциональной трансформации в интересах обеих сторон. Эта возможность явно упущена в случае Болгарии и Румынии, возможно, также и Хорватии, и даже в еще большей степени, насколько нам это известно, Турции (хотя последний проект длительный).

Иными словами, можно прогнозировать, что новые страны-члены скорее займут в Евросоюзе положение Греции и Португалии, нежели Ирландии или Финляндии.

Доход от капитала, неравенство, занятость

Как следует из краткого изложения экономических трендов, некоторые основные факторы, характеризующие общественное развитие, в четырех группах стран, по-видимому, будут различаться. В странах «новой Европы», за исключением Польши и Словакии, уровень безработицы ниже, чем средний в ЕС, и уровень занятости, по крайней мере теоретически, можно повысить с помощью целенаправленно спланированной политики. Это предполагает сочетание либерализации, образования и поддержки предпринимательства, предусмотренное в годовых национальных планах реализации запущенной ранее Лиссабонской программы. Национальные планы, отражающие занятость, региональную политику и меры поддержки образования, регулярно представляются на рассмотрение в Брюссель с лета 2006 г. Таким образом, они предполагают функциональный, нежели министерский анализ трендов и направлений политики соответствующих государств.

В обновленной Лиссабонской программе указывается на необходимость роста как на предварительное условие расширения занятости. Под этим углом зрения замедление роста в странах Вышеградской четверки и поддержание низкого уровня экономического производства в странах Юго-Восточной Европы служит поводом для беспокойства. Модель роста, ориентированного на использование природных ресурсов, как известно, капиталоемкая. Если не произойдет серьезного расширения сферы услуг, что, в частности, требует наличия широкого среднего класса, то *маловероятно изменение активности в секторах с низким уровнем занятости*. Это проблема для второй и третьей подгруппы. И последнее (по порядку, но не по значению), всякий раз, когда начинают доминировать «инсайдеры», как в силу остатков системы самоуправления в Югославии или прав собственности, принадлежащих управляющим, которые определяют капи-

тализм в ННГ, маловероятно, чтобы безработица превысила естественный уровень, составляющий примерно 4% в США. Примерно в 2 раза выше данного значения уровень безработицы в ЕС – 8,1%. В то же время и экономически, и социально более чем пугают 17–20% в Юго-Восточной Европе.

Безработица, в особенности длительная, – важная составляющая социальной эксклюзии, которую следует воспринимать шире обычного контекста зарабатывания на хлеб насущный. По понятным причинам, лица без определенной занятости могут быть маргинализированы не только в одном отношении. Женщины от этого пострадали в большей степени, а новые формы – такие, как частичная занятость, – отвергались и в частном секторе, и государственными служащими.

Формирование значительного капитала, крупных богатств, находящихся в руках частных лиц, особенно в период рецессии, сопровождающей трансформацию и дезинтеграцию, превратило прежние эгалитарные общества в общества неравенства. Быть может, именно поэтому страны региона отождествляли себя с демократией, а не с капитализмом⁴.

С позиций социальной динамики, следует остановиться на нескольких соображениях. Во-первых, если согласиться с точкой зрения лауреатов Нобелевской премии Д. Канемана и А. Крюгера (2006 г.) об эмпирических наблюдениях человеческой природы, это уже не удивительно. Эмпирические тесты, проведенные несколько десятилетий назад Д. Канеманом, подтвердили, что, вопреки эконометрическим моделям, денежные потери и прибыли воспринимаются несимметрично. Потеря 100 евро вызывает в 2 раза более интенсивное ощущение, чем получение данной суммы. Вот почему, можно добавить, что экономический выигрыш легко принимается в экономике, а убытки, даже и временные, вызывают раздражение.

Исходя из этого, не стоит удивляться общему разочарованию растущим неравенством, которое в природе любой капиталистической системы. Во-первых, общественное мнение ожидало исполнения обещаний «старого режима». Во-вторых, идеология трансформаций строилась в соответствии с моделью Й. Шумпетера, при которой предприниматели разных уровней находят возможность реализации своих идей. Напротив, чем дальше на Восток, тем в большей степени игра ведется вокруг обращения политических преимуществ в экономические дивиденды.

Однако во всех странах переходной экономики доминирующим было ожидание, что здесь сложится аналог скандинавской модели, основанной на эффективности и равенстве. Независимо от причин, в реальности, в большинстве стран переходной экономики бывшая правящая элита, пользуясь преимуществами своего положения и монополией на информа-

цию, а также на исключительное положение по отношению к иностранным инвесторам, стала движущей силой преобразований. Политический и экономический компоненты системных преобразований долгое время были отделены друг от друга.

На протяжении всей экономической истории первоначальное накопление капитала имело мало общего со скандинавской моделью, сложившейся в результате специфических обстоятельств. Следовательно, в странах ЦВЕ имело место сильное расхождение между ожиданиями и реальностью. На одном уровне проявлялось безобразное лицо капитализма времен первоначального накопления, которое описывали английские, французские, немецкие и российские романисты XIX–XX вв. Ни в одной хорошей компании не принято интересоваться происхождением первого миллиона долларов. Такая линия, разумеется, расходилась с ожиданиями обществ, в какой-то мере усвоившими эгалитарную социалистическую государственную идеологию, скорее близкую к скандинавскому, нежели к западному типу рыночной экономики.

Почву также подготовили специфические модели приватизации в посткоммунистическом регионе. В первой группе стран транснационализация, в частности, путем продажи стратегических отраслей и банковского сектора, создала класс собственников, интегрированный в глобальные процессы. Также сложился сравнительно широкий слой служащих крупных компаний, мелких и средних предпринимателей, а в городах и сельских районах – слой средней и крупной управленческой верхушки. Стиль жизни, экономическая ситуация в крупных компаниях, с одной стороны, и мелких и средних предприятиях – с другой, а также складывающаяся в результате система ценностей совершенно различаются между собой. Скажем, на крупном предприятии безопасность рабочего места, а также уровень дохода приближаются к западным стандартам. Мелкий же и средний сектора страдают от крупного оборота, неопределенности правовых условий, жестокой конкуренции отечественных и зарубежных поставщиков, недостаточной капитализации и недостатка банковского учета, а также от очень медленной эволюции правовой среды, благоприятствующей бизнесу.

Итак, хотя средний класс, за создание которого выступают теоретики социальной науки, рассматривая его как основу открытой экономики и открытого общества, в настоящее время он *глубоко разобщен изнутри*. Немного напоминая модель менее развитых обществ, сформировалась двойная структура экономики и общества, при которой крупный бизнес транснационализируется, а мелкие предприятия нередко стагнируют. По этой причине крупные макроэкономические показатели дают только косвенную картину общественного развития.

В странах Балтии фундаментальной социальной проблемой остается низкий уровень занятости, сопряженный с неурегулированностью предоставления гражданства широким слоям населения. *Поражение в правах*

⁴ Laki M. Economic Programs of the Ex-Opposition Parties in Hungary // East European Politics and Societies. 1991. Vol. 5. No. 1. P. 73–91.

редко носит кумулятивный характер, поскольку русскоязычное население ранее было занято в различных отраслях промышленности, а также в государственном управлении, в первой половине 90-х годов подверглись радикальной перестройке.

В ННГ ориентированная на ресурсы модель роста развивалась параллельно с *политикой приватизации*, в которой доминировали инсайдеры. Это справедливо для России и Украины, так же как для центральноазиатских стран и Закавказья. В двух последних группах стран либо власть сих пор принадлежит наследникам коммунистических правителей (как в Азербайджане и Центральной Азии), либо «оранжевые революции» 2004–2005 гг. ограниченно влияли на изменение социальной картины и баланс сил. Таким образом, в ННГ можно рассмотреть негативную энергию, в той мере в какой инсайдерская приватизация и непредвиденные ресурсы взаимно укрепляли друг друга, позволяя авторитаризму снова принимать формы и обретать размах, немыслимые в годы президентства Ельцина.

Хотя некоторые наблюдатели сравнивают такое развитие с восточноазиатской моделью индустриализации, предполагая, что по мере обретения зрелости общества, они постепенно и неизбежно будут демократизироваться. Возможно, это слишком благоприятное прочтение событий. Предвиденные потоки денежных средств скорее носят контрпродуктивный характер, нежели стимулируют реформы: об этом свидетельствует быт нефтяных государств последних трех десятилетий. Вместе с тем анализ российских реформ не выявил никакого благоприятного влияния институциональных изменений, инициированных в течение двух президентских сроков В. Путина. Несмотря на правительственные программы, зрела зависимость России от топливно-энергетического комплекса. Исходя из этого, можно констатировать ухудшение условий для нересурсно ориентированного роста и эффективность современных секторов экономики, не связанных с энергоресурсами.

Если говорить о *социальной перспективе*, то непредвиденные доходы экспорта нефти обусловили консолидацию финансов России, но ее положение настоятельно требует проведения реформ, хотя и позволяет пока выплачивать задолженность по пенсиям и зарплатам. Согласно оценкам Мирового банка, это привело к сокращению доли населения, живущего за чертой бедности – 2,15 долл. в день – до 1/3 за период после 2000 г. Централизация политической власти наряду с усилением зависимости энергоресурсов позволила укрепиться *политическому капитализму*, в котором границы государственного и частного секторов долгое время таялись размытыми.

А. Дайкер справедливо обратил внимание на то обстоятельство, что политическая приватизация и частичная ренационализация ведут к созданию слоя, совершенно не заинтересованного в демократизации и экономической открытости, сложившейся и даже укрепившейся в годы президент-

ства В. Путина⁵. Это предполагает ситуацию, при которой изжиты такие черты дезинтеграции 80-х – 90-х годов, как ползучий дефицит и неплатежи, но распределение прибыли и богатств остается неравноценным. Концентрация богатств в руках узкой группы олигархов, тесно связанных между собой, принявших верховенство государства, наряду с политическими назначенцами в крупных фирмах и банках, сосуществует с трудностями малого бизнеса, ведущего борьбу на два фронта – с бюрократическим произволом и контролем мафии⁶. Таким образом, средние классы по западному типу пока не формируются. *По этой причине социальная модель, по всей вероятности, отличается от модели европейских трансформаций.*

В Юго-Восточной Европе, низкий уровень экономической активности, криминализации экономических и, отчасти, политических отношений, расхождение между формальными и неформальными структурами приближает эти страны к странам «третьего мира». Во-первых, центральные органы власти управляются нередко автократически, регулярно ограничиваются гражданские свободы, свобода печати, ущемляются экономические свободы. Во-вторых, и в немалой степени вследствие предшествующих условий, не создано *стимулов для сбережений и инвестиций*, особенно в долгосрочной перспективе. В-третьих, участие Запада, в частности ЕС, в реконструкции этих обществ и в подготовке институциональных преобразований, остается ограниченным. Поэтому не наблюдаются ни структурные изменения, ни экономическая динамика и сохраняется разного рода неравенство. Политическая приватизация, во многом напоминающая модель ННГ, создавала неравенство и неэффективные структуры, в которых господствовали инсайдеры.

Вот почему не фиксируются ни структурные изменения, ни экономическая динамика, следовательно, сохраняется и неравенство. Те же самые механизмы ограничивают приток прямых иностранных инвестиций, поскольку чиновники не заинтересованы в конкурентоспособности рынков. «Политический капитализм» также ищет «национальные модели», различающиеся во многих аспектах, но имеющие общую черту – неспособность и нежелание к проведению транснационализации. По этой причине маловероятно, что страны Юго-Восточной Европы легко справятся с проблемой низкой доли численности рабочей силы на рынке труда, а также высоким уровнем безработицы. Следовательно, если исходить из того, что вступление в ЕС Сербии, Македонии или Хорватии предусмотрено на следующее десятилетие, вряд ли Европа будет стремиться изменить эти общества к лучшему.

⁵ Dycker D. Russia's Road to WTO: Why Such a Long and Difficult Road? // Post-Communist Economies. 2004. Vol. 14. No 1. P. 3–20.

⁶ Glinkina S. Small Business, Survival Strategies and the Shadow Economy / Dallago B. – McIntyre R. Eds. Small and Medium Enterprises in Transitional Economies. New York. Palgrave MacMillan. P. 36–51.

В рамках статьи можно лишь кратко затронуть эти серьезные и сложные вопросы. Так, бедность в рассматриваемых странах появилась не после рождения или восстановления в них капитализма. Вопреки идеологическим претензиям и ложной либо подтасованной статистике периода разгрома социализма, бедность при нем никогда не исчезала. В Венгрии, например, учреждение Комитета защиты бедных в 1978 г. было открытым признаком идеологической легитимации и постулатом системы. Едва ли стоит удивляться, что с течением времени это движение превратилось в одну из сил радикальной трансформации оппозиции, а позднее – в ведущую радикальную партию Альянс свободных демократов.

Эмпирические исследования (из которых мне наиболее известны исследования в Венгрии) свидетельствуют, что старая система породила определенную степень эгалитарности, введя модель *универсального государства благосостояния*, в особенности с середины 70-х годов, с предоставлением крепким государственным пенсий и снижением пенсионного возраста. Ограничения на собственность в форме капитала и прибыли, на размер дивидендов, которые могут находиться в частной собственности, содействовали формированию более узкой структуры доходов, при которой соотношение доходов богатейшей и беднейшей части населения составляло 1:4,5, что сопоставимо с уровнем Скандинавии. Бедность как явление, однако, никогда не исчезала – при большой продолжительности жизни в 1940–1950 гг. люди были вынуждены уходить на пенсию в определенном возрасте. К бедным слоям населения относились многодетные семьи, жители отдаленных небольших деревень, иногда семьи с одним кормильцем, цыгане, полная миграция которых в общество началась только в 70-е годы.

В общем и целом Венгрия, наряду с Польшей, – страна с самым низким уровнем активности рынка труда, 57% населения находится в возрасте 15–65 лет, что далеко не соответствует 70%-ному требованию европейской программы. Более подробный анализ свидетельствует, что проблемы связаны с несколькими факторами: средний стаж венгерских рабочих и рабочих меньше, чем на Западе, возраст выхода на пенсию для мужчин составляет 57 лет, для женщин – 53 года (против установленного законом 62 и 57 лет). Повторное трудоустройство женщин существенно ниже в 15 странах «ядра» ЕС, в особенности в возрастной группе от 35 до 55 лет. Молодые люди проводят слишком мало времени в высших учебных заведениях, в течение нескольких лет изучая учебные курсы, оказывающиеся малополезными при трудоустройстве.

Бедность в странах Центральной Европы никогда не достигала уровня в странах СНГ и Юго-Восточной Европы. Это объясняется сохранением сети социальной защиты, относительно гибким рынком труда, а также буферной ролью сельского хозяйства и малоэффективной сферы услуг: туризма, внешней торговли, строительства, страхования, финансовых услуг. Хотя

неравенство, несомненно, возросло, в Венгрии к рубежу тысячелетия достигнута пропорция соотношения 1:8 и к 2005 г. – 1:7,3. Это приближается к уровню западноевропейских государств.

То, что мы описали как модели государственной рыночной экономики в обеих группах стран, усугубило *тенденции неравенства*, лежащие в основе всякой приватизации. Концентрация богатств в руках нескольких представителей элиты усугублялась падением общего объема производства, обострявшегося в условиях длительного восстановления экономики. Так, в бывшей Югославии титульные нации производили «чистку» соответствующих территорий, в результате чего миллионы лиц оказались временно перемещенными. В Боснии и Герцеговине, где дейтонские мирные переговоры могли бы привести к мультиэтническому компромиссу под иностранным руководством, возвращение меньшинств стало фрагментарным при господствующей распродаже собственности и цементировании этнически «чистых» регионов. Аналогичные процессы наблюдались в Косово и Македонии и в не меньшей степени – в Хорватии и Сербии. Исход русскоязычного населения, в особенности из Центральной Азии, приобрел массовый характер, сдетонированный сочетанием спонтанных и поддержанных государством процессов. За последние 15 лет Россия стала крупнейшей страной иммиграции, т. е. перемещения соотечественников.

Насильственное перемещение миллионов людей создавало проблему европейского измерения, в которую были вовлечены не только заинтересованные государства. Странам Западной Европы, куда устремлялись эмигранты, приходилось реагировать на процессы их вовлеченности. Наличие сотен тысяч ссыльных, выдвинув на повестку дня серьезную проблему интеграции мигрантов из мусульманских стран, заставило страны «ядра» ЕС осознать всю серьезность проблемы. Однако они не предприняли действий по исправлению ситуации, будь то в рамках академических дискуссий и оперативных политических консультаций (в отличие от миссий по переподготовке персонала ОБСЕ), или усилий агентств по оказанию гуманитарной помощи.

Модели перераспределения и государства благосостояния в ЦВЕ

Следуя общей логике, необходимо сопоставить экономическую и социальные модели, сложившиеся в регионе за последние два десятилетия. На одном краю спектра – страны Вышеградской четверки, где в силу вовлеченности в европеизацию, сформировались *континентальные типы режимов благосостояния*. Хотя различия по странам существенные, они определяются скорее степенью, нежели качеством.

В другой части новой Европы – в странах Балтии – сформировалась, скорее, американская модель, в которой расходы социального характера подчинялись соображениям государственного строительства и финансового равновесия.

В 1990-е годы коллапс социалистических предприятия вызвал реальный кризис. Сформировавшаяся в 90-е годы сеть социальной защиты оказалась недостаточно сильной. В первой половине 90-х годов людей формально вписывали в платежную ведомость, хотя никаких реальных платежей не производилось. Впоследствии осуществлялись выплаты по безработице, но при высокой инфляции и продолжительном кризисе неплатежей они были крайне незначительными. Наконец, в 2000-е годы возобновился экономический рост, который привел к сокращению безработицы. Возобновление выплат и погашение задолженностей по пенсиям и зарплатам содействовало смягчению остроты бедности по типу стран «третьего мира». Но отсутствие серьезной модели социального обеспечения и эрозия социальной сферы, происходящая уже четвертое десятилетие в ННГ, при старении населения (как и в остальных странах Европы) и снижении ожидаемости запускало бомбу замедленного действия – меры социального обеспечения.

В Юго-Восточной Европе остатки некогда формально универсальной социалистической модели социального обеспечения сосуществуют с приватизацией доходов и сферы услуг. Экономика со многими видами деятельности, не учтенными в официальной статистике, со сравнительно высоким уровнем инфляции во всех странах, кроме Хорватии, ограничивает реальный объем услуг. Выплаты от гастарбайтеров, как и во многих развивающихся странах, – важный компонент сети социальной защиты. Предоставление некоторых базовых услуг семье/клану, обычно приобретаемых на западном рынке, позволяет смягчить последствия разлагающейся формальной государственной структуры или неэффективности вновь образуемых государственных структур в Македонии и Боснии.

Сравнительно легко спрогнозировать, что представленные модели могут развиваться по следующим траекториям. В странах Восточной Европы реформы могут последовать опыту ЕС, который характеризовался длительным сосуществованием и конкуренцией англо-саксонской континентальной моделей. Страны Балканского полуострова, по-видимому, изберут длительную политику проб и ошибок, напоминающую такое равновесие в странах, попавших в ловушку развития. Поскольку невозможно противодействовать тем видам экономической деятельности, которые не учтены официальной статистикой, и не создано условий для безопасных сбережений в местной валюте некоррупцированными государством, маловероятно выполнение реформ второго и третьего поколений.

Последствия популистского поворота в политике

В большинстве стран Европы и почти во всех посткоммунистических странах тема перераспределения доходов, несомненно, возобладает над здоровой макроэкономической политикой. Было много риторики справедливости, перераспределении преимуществ роста и социальной

безопасности, но в реальности в большинстве стран под маской демократических партий к власти пришли коалиции, выступавшие за *перераспределение функций*. Они представляли интересы среднего класса, поскольку маргинальные группы обычно не участвовали в формировании политики на любом уровне. Исключение определенных этнических групп (формальное или неформальное), «наказание оппозиции», как в России, или сращивание основных политических партий с сомнительными и непрозрачными деловыми интересами, как на Украине, в Румынии и Сербии, создали почти идеальную питательную среду для популистской политики.

Можно только догадываться, в какой мере эти процессы были порождены в самой стране, а какую роль сыграл «демонстрационный эффект» аналогичной практики стран «ядра» ЕС, регулярно пренебрегавших Пактом стабильности и роста и прочими нормами управляемых государственных финансов. Идеология ЕС, которая подчеркивала социальное измерение и распространяла свое мягкое законодательство на области, в которых Сообщество имеет формальную компетенцию, вероятно, также сыграла свою роль. Европейская комиссия выступала за политику и институциональные решения, такие, как сотрудничество правительства и организаций предпринимателей и трудящихся в решении социально-трудовых споров.

Дополнительной причиной, которая могла бы объяснить поворот к худшему, стало бы *ослабление влияния ЕС* как проводника политики. Политическая элита несколько наивно рассматривала ЕС как «Землю обетованную». И у ЕС, и у Еврокомиссии было большое количество рычагов формирования внутренней политики в новых странах-членах, присоединившихся к Союзу в 2004 г. ЕС проводил политику кнута и пряника: в качестве кнута – исключение из первого раунда переговоров, а пряника – включение во второй и щедрое вознаграждение в пределах сумм, которые усилили бы популярность правительства, управляющего такими фондами. Копенгагенский саммит ознаменовал отказ от подобной политики: трансферы ЕС оказались экономически нецелесообразными, тем не менее членство было обеспечено, а нарушителей не постигло наказание. Зато снизилась политическая активность.

Интересно, почему это смягчение не привело к широким реформам системы социального обеспечения, вместо того, чтобы увеличивать расходы на именуемое многими экономистами «бездонной бочкой»? Также любопытно, почему, если выбор делался в пользу государственного перераспределения средств, не оказать помощь слабым группам населения: цыганам, жителям отсталых или экологически неблагоприятных регионов, беднейшим слоям городского населения, включая бездомных? Но если рассуждать о перспективах политической экономии, в частности, вдохновленной теорией разумного выбора, то результат представляется не столь шокирующим.

Допустим, что левоцентристские партии – это партии предпринимателей, отражающие интересы победителей, а правоцентристские – интересы проигравших /зависимых от государства слоев населения. Тогда тенденция очевидна. Основываться на расхождении в оценках старого порядка, значит породить глубокое расхождение и недоверие другой части элиты. В результате возникает атмосфера общего и взаимного недоверия, из-за которой любая дальновидная стратегия становится неактуальной, при очевидном стимуле к перераспределению средств. Этим объясняется неспособность Венгрии к консолидации финансовой сферы на основе личной заинтересованности политических субъектов.

Такая модель характерна для новых формирующихся экономик, кроме Эстонии, где, как представляется, будет сохраняться диктатура реформ. Ситуация в Словакии может быть иной, но скандалы, которые привели к падению второго правительства М. Дзуринды, отбросили страну на прежний путь. В Польше разгул коррупции, преследующий левые силы и вызывающий раскол среди умеренных правоцентристских сил, наряду с нормализацией условий жизни привел к власти национал-радикалов братьев Качинских. Это отражает стремление общества получить моральное возмещение за былые обиды путем усиления перераспределения государственных средств⁷.

Интересно отметить, что, несмотря на два десятилетия рыночно ориентированных реформ, а также отчасти в силу непрозрачности государственных финансов, *уровень информированности и осведомленности среди населения в вопросах экономики и налогообложения – низкий.*

Обзоры Института социальных исследований (TARKI) перед выборами 2006 г. показали, что средний избиратель приветствует сокращение налогов и расширение сферы социальных услуг. Это общая реакция остальной части стран новой Европы, поскольку для правых или левых партий характерно выигрывать выборы на аналогичной платформе, по крайней мере, имплицитно предполагающей подобные популистские ожидания. Заметим, что вновь избранные – и левое правительство Словакии, и правительство Польши – продолжали политику перераспределения политических и экономических выгод среди средних классов (в пользу собственных сторонников и для уничтожения противников).

В этих условиях образовательные реформы следуют не соображениям применимости, а престижу регионов и местных политических деятелей. Радикальные реформы системы здравоохранения Словакии, по-видимому, дают задний ход. В других трех государствах Вышеградской четверки происходят скорее маргинальные, нежели крупные изменения в сфере как пенсионной реформы, так и системы здравоохранения.

Больше вопросов связано с *низкопрофессиональным уровнем общественных дискуссий о государстве благосостояния.* На одном уровне ведутся упрощенные обсуждения полной приватизации, не учитывающей международный опыт, дискуссии на втором определяются принципом – «не проводить никаких изменений, пока вы не устранили социальные достижения».

По этой причине страны Вышеградской четверки, некогда шедшие в авангарде системных социально-экономических реформ, вступили в стадию их необходимого доведения до логического конца. Как во многих латиноамериканских странах и странах континентальной Европы *политическая и экономическая логика между собой не пересекаются.* Маловероятно, чтобы реформы третьего поколения, которые могли бы решать коренные проблемы низкой трудоспособности, социальной эксклюзии и в итоге способствовать замедлению темпов роста, занимали первые строки в повестке дня реформаторов.

Ограниченные изменения в странах-лидерах приводят к небольшим улучшениям, а для отстающих может быть характерна более мрачная картина. Это вызывает беспокойство, поскольку социальная модернизация *суть предварительное условие дальнейшего экономического роста.* Однако данный тезис легко представить и иначе: более высокая экономическая эффективность создает условия для рыночной модели с более высоким уровнем вовлеченности, в отличие от сформировавшейся за 20 лет в четырех группах и подгруппах посткоммунистических стран.

⁷ Smolar. A. Kormányon a radikálisok / Radicals govern / Beszélő, III. series. 2006. Vol. 11.